

Экран и сцена. —
1997. — 6 —
13 февр. —
96.

В самой “размеренной” профессии, наверное, всегда есть место неожиданности. Часто — поистине праздничной. Казалось бы, театральный критик и эту незапланированную неожиданность давно уже возвел в ранг обыденных явлений: приходишь в театр на знакомую пьесу, известного режиссера, любимых артистов — все известно наперед, но вдруг... А если ненароком забредешь в область чего-то для себя нового — откроется нечто, заставляющее память повернуть в далекие, ушедшие годы, и выстраивается ниточка судьбы ли, событий ли.

Есть и в Москве немало театров, до которых мы, как правило, не доходим. В силу перегруженности впечатлениями, в силу географических обстоятельств, в силу, наконец, природных, равных для всех, нелюбопытства и лени. Не знаю, как у большинства, а у меня этот факт “недохождения” вызывает все чаще чувство вины — перед те-

Нежданная встреча

атром, перед режиссером, перед артистами. И вот это чувство вины недавно подняло меня с места и понесло в Московский областной театр драмы имени А.Н.Островского, в котором я ни разу до того не была.

Новый главный режиссер театра Михаил Али-Хусейн поставил пьесу Горького “Фальшивая монета”, замечательную пьесу, которая никогда не входила в число самых репертуарных для отечественного театра. Время от времени то одна, то другая труппа обращались к “Фальшивой монете”, но никогда, насколько я знаю, событием эта постановка не делалась.

Не стала она событием и в постановке Али-Хусейна, хотя в спектакле есть много интересного, режиссерски придуманного, в частности, с пространством (спектакль играет на сцене, где рядом с артистами находятся и зрители; и никто никуда не уходит — между “своими” явлениями артисты остаются здесь же, присев на стулья сбоку), с пожарным занавесом, с атмосферой, втягивающей зрителя в свою тревожную и какую-то вязкую орбиту.

И вот на сцене появился артист, играющий роль часовщика Яковлева и, едва взглянув в его выразительное лицо, на постоянно движущиеся руки, перебирающие то ключи, то часы на цепочке, то просто словно что-то ошупывающие, я вспомнила Таллин, русский драматический театр. Вспомнила спектакли, в которых этот артист — Игорь Кан — покорила и на долгие годы запомнилась: “Блаженный остров” и “Мелкий бес”.

Даже не могу вспомнить, сколько прошло лет. Позже узнала, что Кан играл и в Москве — у Юрия Погребничко, в Театре имени К.С.Станиславского. Почему-то этот период жизни артиста прошел мимо меня, но в часовщике Яковлеве из “Фальшивой монеты” Горького перекинулся мостик к омерзительному Передонову из сологубовского “Мелкого беса”: эта незабываемая мимика, эти завораживающие руки, это удивительное умение точно расставить все точки, исследовать до самого донышка образ, чтобы выявить его, явить зрителю в ужасающей крупности.

Яковлев Игоря Кана предстал в “Фальшивой монете” человеком вне времени, вне социально-бытовой атмосферы: артист поднимает своего героя до подлинно вечного образа пиявки, умеющей сладострастно присосаться к любому и каждому, из всего вытянуть максимальную выгоду, оставаясь в тени, скрывая свои истинные возможности, но постепенно, медленно, выверенно прибирая к рукам не только краденые вещи, но и краденые души. Вот что становится для него истинным пиром — властвование над душой человека, оступившегося или только еще готового совершить ложный шаг. Яковлев Игоря Кана с особенной готовностью подстерегает именно тех, кто только еще занес ногу, не успел сделать

шаг, который позже определит многое в жизни, в судьбе. Вкрадчивый и незаметный на первый взгляд, он всегда здесь, где-то рядышком, невдалеке — терпеливо ожидающий своего часа, не сомневающийся в том, что час этот наступит.

Да, получилось так, что спектакль Михаила Али-Хусейна почти полностью свелся для меня к часовщику Яковлеву, блистательно сыгранному Игорем Каном. Хотя я не могу не повторить, что некоторые режиссерские находки и, главное, само обращение к этой поразительно живой и современной пьесе Горького тоже не оставили равнодушной. Что-то произошло. Какой-то узелок завязался. И непросто узелок сегодняшнего, только-только случившегося; нечто очень важное соединилось в памяти и позволило сделать новую встречу с Игорем Каном той нежданной радостью, на которые судьба, быть может, и не так уж скупа. Просто мы от веку ленивы и нелюбопытны.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ